

А есть уста, которыя украдкой
Кусать умѣютъ сладко, очень сладко!..

XXXIX.

Когда бы Тирзу видѣлъ Соломонъ,
То вѣрно бъ свой престолъ украсилъ ею, —
У ногъ ея и царство, и законъ,
И славу позабылъ бы... Но не смѣю
Васъ увѣрять затѣмъ, что не рожденъ
Владыкой и не знаю въ низкой долѣ,
Какъ люди цѣнять вещи на престолѣ;
Но знаю только то, что Самка мой
За цѣлый міръ не отдалъ бы порой
Ея улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

XL.

„Откуда ты?“ — „Не спрашивай, мой другъ!
Я былъ на балѣ!“ — „Балъ! Что то такое?“ —
„Невѣжда милый!“ — говорю, шумъ и стукъ,
Толпа глушцовъ, веселье городское, —
Наружный блескъ, обманчивый недугъ;
Кружатся дѣвы, чванятся нарядомъ,
Притворяются и голосомъ, и взглядомъ,
Кто ловить душу, кто пять тысячъ душъ...
Всѣ такъ невинны, но я имъ не мужъ.
И какъ ни уважаю добродѣтель, [тель].
А здѣсь мнѣ лучше, въ томъ луна свидѣ-

XLI.

Какимъ-то новымъ чувствомъ смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смѣшна
Жизнь городскихъ красавицъ, но... сначала.
Потомъ пришло ей въ мысль, что и она
Могла-бъ кружиться ловко предъ толпою,
Терзать мужчинъ надменной красотою,
Въ высокія смотрѣться зеркала
И уязвлять, но не желая зла;
Соперницъ гордо презирать, и въ свѣтѣ
Блестать, да ѣздить четверней въ каретѣ.

XLII.

Она прижалась къ юношѣ. Листокъ
Такъ жмется къ вѣткѣ, бурю ожидая.
Стучало сердце въ ней, какъ молотокъ,
Уста полураскрыты, пылая,
Шептали что-то. Съ головы до ногъ
Она горѣла.

Но... есть во мнѣ къ стыдливости вниманье —
И цѣлый часъ я пропущу въ молчаніѣ.

XLIII.

Все было тихо въ домѣ. Облака
Нескромный мѣсяцъ дымкою одѣли,
И только раздавались иногда
Сверчка ночного жалобныя трели;
Да мышь въ тѣни родного уголка
Скреблась въ обопъ старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о томъ,
Что небеса грозили близкимъ днемъ,
Что ночь... Вы на вѣку своемъ едва ли
Такихъ почей десятокъ насчитали..

XLIV.

Но Тирза вдругъ молчанье прервала
И молвила: „Послушай, прочь всѣ шутки!
Какая мысль мнѣ странная пришла:
Что если бъ ты, откинувъ предразсудки, —
(Она его тутъ крѣпко обняла), —
Что если бъ ты, мой милый, мой безцѣнный,
Хотѣлъ меня утѣшить совершенно,
То завтра, или даже въ день иной,
Меня въ театръ повезъ бы ты съ собой.
Извѣстно мнѣ, все для тебя возможно,
А отказать въ бездѣлицѣ безбожно“

XLV.

— „Пожалуй!“ — отвѣчалъ ей Самка. Онъ
Изъ словъ ея разслушалъ половину, —
Его клонилъ къ подушкѣ сладкій сонъ.
Какъ птица клонить слабую тростину. [день
Блаженъ, кто можетъ спать! Я былъ рож-
Съ бессонницей. Въ теченье долгой ночи
Бывало безпокойно бродить очи,
И жгетъ подушка влажное чело.
Душа груститъ о томъ, что ужъ прошло,
Блуждая въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони, а по-русски — нищій..

XLVI.

И жадный червь ее грызетъ — грызетъ, —
Я думаю, тотъ самый, что когда-то
Терзалъ Саула; но порой и тотъ
Имѣлъ отраду: арфы звукъ крылатый,
Какъ ангела таинственный полетъ,
Въ немъ воскрешалъ и слезы, и надежды:
И опускались пламенные вѣжды,
Съ гармоніей сливалась мечта,
И злобный духъ бѣжалъ, какъ отъ креста
Но этихъ звуковъ нѣтъ ужъ въ поднебес-
Они исчезли съ арфою чудесной... [ной, —

XLVII.

И всеисчезнетъ. Вѣрить я готовъ, [гильный
Что нашъ безлунный міръ — лишь прахъ мо-
Другого, — горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
Случайно уцѣлѣвшая и сильно
Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
Свѣтила — ей двоюродные братья,
Хоть носятъ шлейфы огненного платья,
Да иногда имѣютъ въ добрый часъ
Вліянье благотворное на насъ...
А дай сойтись, такъ заварится каша, —
И въ кулаки... прощай планета наша.

XLVIII.

И пусть они блестятъ до той поры,
Какъ ангеловъ вечернія лампады.
Придетъ конецъ воздушной ихъ игры.
Печальная разгадка сей шарады...
Люблю я съ колокольни или съ горы,
Когда земля молчитъ и небо чисто,
Теряться взорами средъ цѣпи ихъ огнистой, —
И мнится, что межъ ними и землей
Есть путь, давно измѣренный душой, —
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта